

просто в среде, он невидимыми нитями связан со множеством других людей, эти связи чувствует и пытается осознать. Причем для эпического героя важен как сам процесс познания, приносящий удовлетворение именно ему как личности, так и тот факт, что в результате он открывает для себя другого человека. Духовное обогащение для героя эпического романа немислимо в отрыве от мира.

Еще одной особенностью, характерной для эпического романа и нашедшей реализации в «Млечном пути» и «Скрежете зубовном», является стремление писателя отождествить изображаемый им мир с миром реальным, соединить художественный мир произведения с жизнью. Так, Авсеенко умело и тонко использует различные приемы для воссоздания в романе текущей, естественной жизни. Во-первых, финалы его романов не обрываются законченными выводами, герои не приходят к окончательному итогу, читатель словно перестает наблюдать за ними. Во-вторых, в художественном мире романа читатель иногда встречает краткие, но очень емкие суждения о характере времени и людях. Приведем пример. Во время первой встречи Липочки и Безбедного в Петербурге герой пытается внушить девушке удобную для него схему жизни, так, видя перед собою беззаветно, самоотверженно любящую Липочку, Безбедный убеждает ее: «В наше время роковые страсти сделались достоянием людей ни к чему более не годных; да и те, я думаю, больше врут» [1, 1878, 1, с. 252]. В-третьих, повествователь иногда появляется в романе на определенное время в виде героя-наблюдателя, участника разворачивающихся событий, иногда он еще и использует этот случай, чтобы указать на реальность рассказываемой им истории. Так, повествователь в романе «Скрежет зубовный» оказывается в списке гостей, приглашенных Полиной на семейный обед: «Автор этого скромного повествования также удостоился приглашения. <...> Я нашел у Луховецких довольно значительное общество и в том числе многих из тех, кому выпала более или менее значительная роль в этой совершенно не вымышленной истории» (Курсив мой. – В. А.) [1, 1878, 9, с. 75–76]. Наконец, автор может аналитически соотносить действительное с вымыслом, отмечая при этом свой выбор. Интересным примером служат рассуждения в «Скрежете зубовном» о финале романа. Барон Андрей – герой, игнорирующий светское общество и в этом плане очень близкий самому автору, – отвечая на вопрос Липочки о будущем, рас-

суждает и о финале романа, и о судьбе героини. Повествователь далее следует словам Андрея, выгодно представляя свой роман как запечатленную жизнь: «Вам кажется, что непременно надо что-нибудь с собой сделать? Закончить роман эффектной развязкой? Так ведь этого только от авторов требуют, а в жизни обыкновенно все так бывает: пытаются, пробуют выскочить из своего ничего и опять в него возвращаются. Вернетесь домой, будете потихоньку жить, вспоминать, скучать» [1, 1838, 11, с. 332].

Выводы.

Таким образом, мы видим, что по ряду параметров романы Авсеенко приближаются к романам эпическим, хотя таковыми и не являются. Писатель не ставил перед собой задачи полного и всестороннего изображения жизни, представления глубокого и целостного взгляда на все слои населения. Однако глобальные проблемы, поднятые Авсеенко, способность писателя за минутным и внешним показать сложную духовную жизнь ряда героев, интерес к характерам, создание сложных и противоречивых образов, четкое видение перспектив тех жизненных процессов, которые он изображает, воплощение в художественных мирах многочисленных переключек и сложных соответствий характеризуют произведения Авсеенко как романы, наиболее приближенные к эпическим (пусть, частично и за счет подражаний и освоения находок других писателей), создающие необходимый фон для бытования эпического романа.

Литература

1. Авсеенко, В. Г. Скрежет зубовный / В. Г. Авсеенко // Русский Вестник. – 1878. – №5. – Здесь и далее произведения В. Г. Авсеенко цитируются по журналу «Русский вестник». Ссылки в тексте даны в круглых скобках с указанием года, номера журнала (месяца) и страницы.
2. Бабаев, Э. Г. Лев Толстой и русская журналистика его эпохи / Э. Г. Бабаев. – М., 1978.
3. Батюто, А. И. Антиингилистический роман 60–70-х годов / А. И. Батюто // История русской литературы: в 4 т. Т. 3. – 1982. – С. 279–314.
4. Берковский, Н. Я. О мировом значении русской литературы / Н. Я. Берковский. – Л., 1975.
5. Вердеревская, Н. А. Русский роман 40–60-х годов XIX века / Н. А. Вердеревская. – Казань, 1980.
6. Гиришман, М. М. Ритм художественной прозы / М. М. Гиришман. – М., 1982.

УДК 82.0

А. В. Белова

Череповецкий государственный университет

ПОНЯТИЕ АНАЛИЗА В «АНАЛИТИКАХ» АРИСТОТЕЛЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

В статье рассматривается понятие анализа в основных трудах Аристотеля по логике «Аналитика первая» и «Аналитика вторая», входящих в состав Органона. Предпринимается попытка соотнесения понятийного аппарата логики и литературоведения. Предметом исследования становятся учение Аристотеля о силлогизме и его теории доказательства. Цель работы –

показать, что аналитическая программа Аристотеля является основополагающей для решения в том числе и литературоведческих задач.

Анализ, силлогизм, доказательство, сведение сложного к первоначальным элементам, выводное знание.

This article examines the concept of "analysis" in main Aristotle's works of logic: "Prior Analytics" and "Posterior Analytics", parts of the "Organon". The paper attempts to correlate the conceptual apparatus of logic and literary science. The subject of the research is Aristotle's doctrine of syllogism and his theory of proof. The purpose of the paper is to show that Aristotle's analytical program is fundamental for solving literary tasks.

Analysis, syllogism, proof, reduction of the complex to simple components, inferential knowledge.

Введение.

В отечественном литературоведении не в полной мере прослежены этапы обращения к понятию «анализ». Фактически первым к его определению и обстоятельному рассмотрению обратился Аристотель в своих работах «Аналитика первая» и «Аналитика вторая».

Основная часть.

В главе первой Книги первой «Аналитики первой» Аристотель называет предмет и цель всего сочинения. Ученый считает, «что <исследовать> должно доказательство и что <это – дело> доказывающей науки» [1, с. 9]. Доказывающей наукой должна стать аналитика, доказательство – основным методом аналитики. Следовательно, можно говорить о том, что доказательство является базовым понятием аналитики, а, значит, и анализа. Анализ оперирует доказательством как основным орудием. Если аналитику рассматривать как науку об анализе, то анализ в свою очередь будет сводиться к доказательству. Возможность доказательства для Аристотеля очевидна. Литературоведческий анализ, безусловно, всегда был сориентирован на доказательство. С доказательностью связывается и общая установка анализа на объективность.

Аристотель дает определение доказательству: «<...> доказательство есть силлогизм из необходимых <посылок>» [1, с. 187]. Таким образом, Аристотель связывает правильность построения анализа с правильностью мышления и языка. Данная проблема всегда была в центре внимания филологической науки.

В главе второй Книги первой «Аналитики первой» Аристотель пишет о том, что «всякое суждение есть или суждение о том, что присуще, или о том, что необходимо присуще, или о том, что возможно присуще...» [1, с. 11]. Такие суждения философ называет ассерторическими, аподиктическими, проблематическими. Аристотель обращает внимание на то, что, по-разному определяя характер присущности, доказываем мы одинаково, т. е. аналитический механизм формально воспроизводим. Ученый отмечает: «<...> <всякое> доказательство есть некоторого рода силлогизм, но не всякий силлогизм – доказательство» [1, с. 14]. Для осуществления доказательства необходимы посылка, термин, заключение. С одной стороны, это выход на возможности выдвижения тезиса и подбора аргументации. Выдвижение тезиса и аргументативность в литературоведческом анализе играют большую роль. С другой стороны,

Аристотель имеет в виду именно силлогистическое доказательство. Силлогизмы по первой, второй и третьей фигуре – это определенные отношения между терминами. То есть, и в силлогизме, и в доказательстве определяющую роль играет правильно выбранное соотношение терминов. Фигуры силлогизма – это формы силлогизма, различаемые по положению среднего термина в посылках. Анализ и искусство анализа – аналитика – определяются правильно выбранным соотношением составляющих. В литературоведческом анализе решающую роль и играет выбранное (как настаивают многие ученые, правильно выбранное) соотношение его составляющих.

Ученый считает, что для того, чтобы правильно установить соотношение терминов, необходимо как можно больше собрать о них сведений, при выборе же начал, через которые будет установлено соотношение, обращать внимание на немногое и определенное.

Одним из главных вопросов аналитики является вопрос о том, как найти начала. Понятие начала, первоначала Аристотель связывает с понятием общего: «"Само по себе" означает быть присущим в <самом> существе <вещи>, как, например, линия присуща треугольнику <...> то, что таким именно образом присуще каждой <вещи> в отдельности, я называю «само по себе». То, что присуще ни тем, ни другим образом, я называю случайным <...> «Общим» же я называю то, что присуще всем и <есть> само по себе и поскольку оно есть то, что оно есть. Очевидно поэтому, что все, что есть общее, присуще вещам необходимо» [1, с. 187–189]. Анализ, по Аристотелю, в большей мере дедуктивен.

В Примечаниях к «Аналитикам» в издании 1952 года анализ толкуется следующим образом: «Анализ, по Аристотелю, есть сведение сложного к первоначальным элементам, к принципам (началам)» [1, с. 291]. Важным оказывается замечание Аристотеля о том, что «доказательство касается не внешнего выражения, но внутреннего смысла <...>» [1, с. 201]. Достоверность вещи, с точки зрения ученого, определяется правильно выбранным соотношением частей доказательства. В главе шестой Книги первой «Аналитики второй» Аристотель возвращается к разговору о началах как о началах доказательства: «Ибо началом не является правдоподобное или неправдоподобное, но первичное, принадлежащее к тому роду, о котором ведется доказательство <...>» [1, с. 193]. В главе одиннадцатой Книги второй «Аналитики второй» ученый называет четыре вида причин или первоначал для определения сущности вещи:

«Причин же существует четыре <вида>. Первая – <которая объясняет> суть бытия <вещи>, вторая – что это необходимо есть, когда есть что-то <другое>; третья – то, что есть первое движущее; четвертая – то, ради чего <что-нибудь> есть. Все они доказываются посредством среднего <термина>» [1, с. 266]. Аристотель подчеркивает: «Знать же почему <что-нибудь> есть, – это то же самое, что знать через причину» [1, с. 195]. Ученый указывает на то, что средние термины и являются по сути причинами.

В главе первой Книги первой «Аналитики второй» Аристотель говорит о выводном знании: «Всякое учение и всякое обучение основано на <некотором> уже ранее имеющемся знании. <...> Подобным же образом <обстоит дело> и с высказываниями, которые <что-либо доказывают> посредством силлогизмов или индукции, ибо и то и другое объясняют посредством заранее известного: <именно> в первом случае берут как бы то, в чем сведущи <другие>, а во втором общее доказывают на основании того, что известно частное» [1, с. 180]. Вопрос о началах Аристотель связывает с вопросом о началах выводного знания: «Доказательством же я называю силлогизм, который дает знание» «<...> необходимо, чтобы и доказывающая наука основывалась на <положениях> истинных, первичных, непосредственных, более известных и предшествующих <доказываемому>, и на причинах, <в силу которых выводятся> заключение. Ибо такими будут и начала, свойственные тому, что доказывается. В самом деле, силлогизм можно получить и без этих <положений и причин>, доказательство же – нельзя, так как <без них> не приобретается знание» [1, с. 181–182].

Что же выступает в качестве начал в литературоведении? Формальными первоначалами оказываются теоретические понятия. Так, если мы хотим доказать, что Обломов является лишним человеком, мы обращаемся к определению понятия «лишний человек». Большую роль играют суждения авторитетных исследователей. Смысловыми первоначалами становятся самые разные и общепринятые, и приобретенные лично концепты.

Глава девятнадцатая Книги второй «Аналитики второй» посвящена вопросу о способности познания начал. Сущность вещей, по Аристотелю, познается разумом.

В главе двадцать второй Книги первой «Аналитики второй» Аристотель говорит о том, что доказательство не может вестись до бесконечности: «Аналитически же можно еще более кратким путем доказывать с очевидностью, что ни по направлению вверх, ни по направлению вниз приписываемое не может быть бесконечным в рассматриваемых <нами> науках, дающих доказательства» [1, с. 227]. Ученый обращает внимание на то, что аналитический путь – это краткий путь, так как он определяет существо вещи.

А в главе тридцать четвертой, завершающей Книгу первую «Аналитики второй», Аристотель рассматривает такое понятие как «проницательность»: «Проницательность же есть способность быстро найти средний <термин>» [1, с. 248]. Последняя глава Книги второй «Аналитики второй» посвящена

рассуждениям о способности познания начал: «Таким образом, если помимо науки не имеем никакого другого рода истинного <познания>, то ум может быть началом науки» [1, с. 288].

Считается, что в главе четырнадцатой Книги второй «Аналитики второй» Аристотель предложил путь осуществления анализа: «Для решения проблем следует выбирать расчленения и деления, а выбирать следует так, чтобы в основу положить <некоторый> общий род для <всех>» [1, с. 279]. Деление используется в анализе лишь как одна из его операций. В литературоведении анализ в большей степени и понимается как разложение на части. Частями оказываются элементы текста, для структуралистов – элементы, располагающиеся на его разных уровнях. При разложении текста на части также определяющую роль играет правильно выбранное соотношение частей. Именно через соотношение выявляется функция части. Позже Ю. Н. Тынянов определит это соотношение как борьбу факторов, Ю. М. Лотман – как со- и противопоставление элементов.

В главе тринадцатой Книги первой «Аналитики первой» Аристотель пишет о построении силлогизмов о возможном. Еще ранее в главе третьей философ отмечал, что «<...> возможное имеет различный смысл (ибо возможным мы называем и то, что необходимо и то, что не необходимо и то, что <собственно> возможно)» [1, с. 13]. Для ученого возможное – это собственно возможное – то, что часто встречается, и случайное. Понятие возможного Аристотель не в полной мере соотносит с понятиями проблематического и ассерторического: «“Быть возможным” и “возможным” я называю то, что, <хотя и> не является необходимым, но если принято, что оно присуще, то из этого не следует ничего невозможного...» [1, с. 38].

Особое место отводится «другому»: «другое» не дробится на «все другое» или «не все другое», оно просто «другое»; оно не вступает в соотношение со «всем» и «не всем» (другим), т. е. оно не имеет количественной характеристики.

Явления другого, возможного, случайного открывают новые горизонты для анализа.

В главе восемнадцатой Книги первой «Аналитики второй» Аристотель обращает внимание на невозможность знания без чувственного восприятия: «В самом деле, как знание, <приобретаемое> из общего, невозможно без индукции, так и <знание> посредством индукции невозможно без чувственного восприятия» [1, с. 218]. В главе тридцать первой он говорит о невозможности знания общего посредством чувственного восприятия.

В главах с двадцать четвертой по двадцать седьмую Книги второй «Аналитики первой» философ рассматривает виды доказательства. В литературоведческом анализе также используются различные виды доказательства. Особое место отводится при-
мерам.

Выводы.

Таким образом, анализ – это доказательство, оформляющееся в высказывании, связанное с поиском соотношения посылок – поиском причин (сущ-

ности вещи), предполагающее разложение явления на части, прибегающее к делению, использующее определения, примеры. Анализ – это сведение к первоначалам. Если иметь в виду, что сведение происходит через правильно выбранное соотношение, анализ – это правильно выбранное соотношение и посылок, терминов, заключения, и частей явления, в нашем случае текста. Анализ – это выводное знание. Первоначала – это не аксиомы, это найденная сущность, а не готовая. Важно обратить внимание на то, что Аристотель, определяя силлогизм, говорит, что он «<...> есть высказывание, в котором при утверждении чего-либо из него необходимо вытекает нечто отличное от утвержденного и <именно> в силу

того, что это есть» [1, с. 10]. Анализ одновременно и приписывает свойства предметам, и устанавливает отношения между ними. Анализ и дедуктивен, и индуктивен, рационален, и сопровождается чувственным восприятием. В литературоведческом анализе, наверно, нет прямого использования силлогистических фигур, но есть основной посыл – обнаружение соотношения через поиск первоначала – сущности вещи.

Литература

1. *Аристотель*. Аналитики первая и вторая / Аристотель. – Л., 1952.

УДК 81'37

М. Н. Гладцинова

*Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Л. Г. Яцкевич
Вологодский государственный университет*

АРХЕТИПИЧНОСТЬ СЕМАНТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Статья посвящена вопросам архетипичности и мотивированности семантических связей, воплощенных в когнитивных и поэтических метафорах и отражающих специфику мифотворческого мышления поэта, сопоставляющего стихии / явления природы и внутреннюю жизнь человека; в частности, рассматривается смысловая связь 'ВОДА – ДУША' в разных художественных текстах.

Архетипичность, мифотворческое сознание, синкретизм, семантика, метафора, семантические связи, художественный текст.

The article deals with the questions of archetypal and motivation of the semantic relations, expressed to cognitive or poetic metaphors and reflecting the specificity of mythological thinking of the poet, comparing the elements / phenomena of nature with the inner life of a man. The article considers the semantic relationship 'WATER – SOUL' in different literary texts, in particular.

Archetypal, myth-making consciousness, syncretism, semantics, metaphor, semantic relations, text.

Разновидность его умственного расстройства послужила предметом подробной статьи в научном журнале, но они с мужем давно сами ее для себя определили. Герман Бринк назвал ее Mania Referentia, «соотносительная мания». В этих чрезвычайно редких случаях больной воображает, что все происходящее вокруг него имеет скрытое отношение к его личности и существованию. <...> Его сокровеннейшие мысли обсуждаются по вечерам, посредством ручной азбуки, загадочно жестикулирующими деревьями.

В. И. Набоков «Условные знаки»

Введение.

Мифотворческое сознание поэта-пантеиста способно находить и проводить параллели, устанавливать связи не только между фактами, объектами, явлениями окружающего мира, но и между: частью (жизнью конкретного человека) и целым (космосом), метафизическим (идеей, мыслью, условным знаком) и физическим (миром материи, природы), внутренним и внешним, – вернее, четко не разграничивать эти категории. Таким образом, то, что Набоков в упомянутом тексте назвал «соотносительной манией», в творческом процессе становится способом наладить контакт, найти «общий язык» с универсумом. В литературоведении для обозначения этого феномена используется термин «психологический параллелизм».

Основная часть.

Механизм творческого пантеистического мышления отражается в создании «живой» синкретичной поэтической метафоры, которая связывает различные, казалось бы, по природе явления. Однако, различными они являются только с точки зрения современного раздробленного сознания, далекого от «живого» синкретизма мифотворчества и имеющего в своем арсенале груз «мертвых», ничем не связанных между собой, автономных слов. В сознании, а точнее в бессознательном, древнего человека и поэта-пантеиста, эти явления не просто соединены между собой, но и отождествляются или предполагают друг друга. Поэтическую формулу такого творческого мышления выводит Н. А. Клюев в поэме «Белая Индия» (1916) в таких строках: «К ушам прикормить